

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 908 (470)

DOI: 10.17072/2079-7877-2021-3-74-91

**ЮЖАНИН В СИБИРИ: ЛИТЕРАТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ А.П. ЧЕХОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВ А.П. ЧЕХОВА
«ИЗ СИБИРИ» И ЕГО ПУТЕВЫХ ПИСЕМ)****Владимир Николаевич Калуцков**

e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

В отношении одного из самых известных литературных путешествий по территории России – путешествия Чехова – был разработан и применен культурно-географический подход. Важной его составляющей явилась комплексная географическая методика исследования литературных путешествий, которая включает 3 методических блока: географические контексты литературного путешествия, поэтапное описание маршрута путешествия с выявлением локальных и региональных географических образов, выявление и исследование основных авторских региональных тем. Ядром данной методики является модульная пространственно-временная периодизация литературного путешествия, которая опирается на объективные географические показатели и субъективные авторские оценки и восприятия. В результате периодизации выделяются этапы путешествия, каждый из которых является пространственно-временным хронотопом, обладающим объективными измеряемыми характеристиками (граница территории, определенный ландшафт, граница сезона и погоды, используемые транспортные средства и др.) и субъективными показателями, связанными с литературными оценками мест и их модальностью. В результате применения данной методики было выделено и закартировано 6 этапов литературного путешествия Чехова; осуществлено поэтапное описание маршрута путешествия, включая анализ географических образов. Выявлены и комментируются основные чеховские темы, связанные с Сибирью, среди которых выделяются такие, как «Сибирь и Россия: проблема культурно-географического позиционирования», «Чеховская Западная и чеховская Восточная Сибирь: два контрастных географических образа», «О притягательности Сибири».

Ключевые слова: литературное путешествие, культурно-географический подход, пространственно-временная периодизация литературного путешествия, ландшафт, литературное место, Чехов, Сибирь.

**THE SOUTHERN MAN IN SIBERIA: A LITERARY AND GEOGRAPHICAL STUDY OF
ANTON CHEKHOV'S JOURNEY (BASED ON CHEKHOV'S ESSAYS 'FROM SIBERIA'
AND HIS TRAVEL LETTERS)****Vladimir N. Kalutskov**

e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

We have developed and applied a cultural and geographical approach in relation to one of the most famous literary trips on the territory of Russia – Anton Chekhov's trip. An important component of this approach is comprehensive geographical methodology of studying literary trips, which includes 3 methodological blocks: geographical contexts of the literary trip, a step-by-step description of the route with the detection of local and regional geographical images, and the identification and study of the main author's regional themes. The core of this method is a modular spatiotemporal periodization of a literary trip, which is based on objective geographical indicators and subjective author's assessments and perceptions. As a result of the periodization, the stages of the journey are distinguished, each of which is a spatiotemporal chronotope with objective measurable characteristics (the border of the territory, a certain landscape, the border of the season and weather, the vehicles used, etc.) and subjective criteria related to literary assessments of places and their modality. As a result of applying this technique, 6 stages of the Chekhov's literary journey were identified and mapped; a step-by-step description of the route was carried out, including the analysis of geographical images. The main Chekhov's themes related to Siberia were also identified and commented on, among which are such as 'Siberia and Russia: the problem of cultural and geographical positioning', 'Chekhov's Western and Chekhov's Eastern Siberia: two contrasting geographical images', 'On the attractiveness of Siberia'.

Key words: literary trip, cultural and geographical approach, spatiotemporal periodization of a literary trip, landscape, literary place, Chekhov, Siberia.

Введение

Литературные путешествия А.П. Чехова – предмет пристального многолетнего и основательного изучения со стороны чеховедов, представителей разных гуманитарных наук, краеведов, писателей [1; 12–14; 19 и др.]. Некоторые исследователи обращали внимание на пространственные аспекты в его творчестве [18], на важную роль пейзажа-ландшафта в понимании его произведений [2; 3].

Вместе с тем недостаточно исследованы роль географических условий (погоды, сезонов, ландшафтов) и собственно географического пространства в литературном путешествии Чехова, их влияние на психологическое состояние писателя и связанный с ним творческий процесс, включая разные модальности формирования географических образов – от крайне негативных до восторженно позитивных. Отсутствуют разработки по периодизации длительного чеховского путешествия, причем, сам Чехов такую попытку предпринимал.

Для решения поставленных проблем привлекается культурно-географический подход к исследованию литературных путешествий. В рамках данного подхода литературное путешествие рассматривается как специфический культурно-географический феномен, обладающий пространственно-временным и территориальным измерениями. Однако методические приемы применительно к литературным путешествиям в рамках культурной географии не разработаны.

При этом важно, чтобы все эти наработки позволили бы получить новые научные результаты при исследовании одного из самых известных литературных путешествий по территории России.

Наряду с общенаучным значением подобное исследование имеет и прикладную направленность. В частности, перспективно развитие мемориального туризма, разработка и реализация маршрутов по следам великих людей [9, с. 190]. Применительно к маршруту Чехова эта идея в виде межрегионального проекта сибирских городов «Маршрутом А.П. Чехова по Сибири на Сахалин» уже осуществляется с 2013 г.

1. Культурно-географический подход к исследованию литературных путешествий

1.1. Литературное путешествие как культурно-географический феномен

В рамках литературоведческого подхода одним из ключевых вопросов, который постоянно дискутируется, является правомерность отнесения литературного путешествия к особому жанру литературы. Некоторые исследователи считают, что по причине разноплановости материала «путешествие» представляет собой не жанр, а литературный прием, который позволяет связывать словесный материал в одно целое [8, с. 125]. Литературу путешествий называют «конгломератом жанров» [16, с. 10], «кластером литературы», включающим разные жанры – от хождений и научных отчетов об экспедициях до сюжетных художественных текстов [15, с. 10]. Литературное путешествие можно рассматривать в качестве метатекста, который включает разные компоненты – поездку, текст, восприятие текста, общий контекст литературы путешествий [16].

С позиции культурной и литературной географии литературные путешествия рассматриваются как **способ литературного освоения пространства** [10]. Интересно, что так, по сути, как и географы, считают и некоторые литературоведы, отмечая, что литературные путешествия обладают способностью «связывания» (обживания, присвоения) пространства [например, 6]. В данном контексте необходимыми рабочими терминами являются такие, как путь, дорога, маршрут, транспортное средство, придорожный ландшафт, пейзаж, место, географический образ.

Гуманитарная география
Калуцков В.Н.

Под историческим путем понимается «...транзитное пространство (своеобразный коридор или полоса), по которому в течение длительных периодов исторического времени происходило перемещение людей и товаров, обеспечивающих взаимодействие между городами, странами, народами. Исторические дороги – жестко локализованные в пространстве линейные коммуникации, в течение многих лет обеспечивавшие перемещение людей и товаров из одних регионов, городов, сельских поселений в другие» [5, с. 53]. Путешествия по одному историческому пути или дороге, совершенные в разное время и разными авторами, дают ценный материал для выявления географических открытий и разных географических образов у разных путешественников.

Рассматривая любое литературное путешествие как перемещение в физическом пространстве, нельзя не заметить, что оно имеет, как правило, трехчастную **циклическую структуру**: герой покидает дом (усадьбу, город, страну), путешествует по чужбине и возвращается домой. Как видим, цикличность путешествия обеспечивается идеей дома в узком и расширительном ее понимании. Подобной структурой обладают «Письма русского путешественника» Карамзина, «Путешествие в Арзрум» Пушкина, «Фрегат «Паллада» Гончарова, сибирское путешествие Чехова (после Сибири писатель, совершив кругосветное плавание, возвращается на Родину) и многие другие произведения.

Другая важная культурно-географическая особенность любого литературного путешествия – **четковидная пространственная организация путешествия**, состоящая из **линейного пространства движения и пространства остановок** [11].

Пространство движения путешественника линейно; оно включает в себя **дорогу и придорожный ландшафт с пейзажными впечатлениями**. В качестве примера приведем чеховское комплексное описание придорожного западносибирского ландшафта: *«По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже на 40 верст. Усадеб по дороге не встречается, так как помещиков здесь нет; не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоянных дворов... Единственное, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, завывающие под ветер, да верстовые столбы.*

В каждом селе – церковь, а иногда и две; есть и школы, тоже, кажется, во всех селах. Избы деревянные, часто двухэтажные, крыши тесовые. Около каждой избы на заборе или на березке стоит скворечня, и так низко, что до нее можно рукой достать. Скворцы здесь пользуются общей любовью, и их даже кошки не трогают. Садов нет» [26, с. 274–275].

Пространство остановок путешественника носит ядерный характер, в центре него находится город или другое населенное место. В структуре путешествия стационарное пространство играет важную роль: именно через него осуществляется **вход в другую культуру**.

На остановках пейзажное восприятие страны сменяется социо- и этнокультурным восприятием. В результате общения с людьми во время остановок путешественнику «открываются» страна, регион, город, формируются географические образы мест.

1.2. Комплексная географическая методика исследования литературных путешествий

Комплексная географическая методика исследования литературных путешествий опирается на разработки таких географических дисциплин, как физическая география, историческая география, культурная география, включая учение о культурном ландшафте и литературную географию, география туризма, гуманитарная география.

Методика состоит из трех блоков: географические контексты, поэтапное описание маршрута путешествия с выявлением локальных и региональных географических образов, выявление и исследование основных авторских региональных тем.

Первый методический блок «Географические контексты исследования литературного путешествия». К географическим контекстам при исследовании литературных путешествий следует отнести:

- картографирование и описание маршрута литературного путешествия;
- соотнесение маршрута с историческими путями и дорогами;
- пространственно-временная периодизация литературного путешествия.

Пространственно-временная периодизация представляет собой **важнейший географический контекст литературного путешествия.**

Парефразируя известное изречение, применительно к нашему случаю, можно утверждать: «Нельзя дважды совершить одно и то же путешествие: и я не тот, и Земля другая». Иначе говоря, во время путешествия человек приобретает личный, человеческий и профессиональный опыты, которые позволяет по-другому, чем до поездки, видеть и оценивать происходящее.

Поэтому пространственно-временная периодизация путешествия Чехова, как и любого путешествия, опирается на объективные географические показатели и на субъективные авторские оценки и восприятия.

В качестве оснований для периодизации литературного путешествия предлагаются такие субъективно-объективные показатели, как:

- транспортные средства путешественника;
- природные и культурные рубежи, существующие и подмеченные писателем;
- границы сезонов и погод, включая их восприятие автором;
- смена соотношения бытовой и художественной оценок мест и сообществ у автора;
- изменение модальности литературных оценок мест и сообществ по ходу движения;
- авторская периодизация путешествия на основе осмысления приобретенного опыта.

Транспортные средства путешественника играют большую роль в восприятии окружающего мира. Неслучайно Н.М. Карамзин предпочитал неспешное передвижение в экипажах в сочетании с пешими прогулками. Развитие транспорта и увеличение скорости передвижения в начале XIX в. привели писателей к мысли о «смерти» пространства и связанной с ней исчезновением поэтики путешествия [7, с. 12–13].

Интересно, что трудное путешествие Чехова почти совпало с коренной сменой транспортной ситуации Сибири – с началом строительства Транссиба. Для истории важно, что он успел проехать, пережить и описать канувший в лету Московско-Сибирский тракт.

Чехов, как и многие писатели, внимательно отслеживал природные и культурные рубежи своего путешествия, выступая, с одной стороны, как географ, а с другой, в качестве этнографа.

В процессе путешествия Чехов наблюдал и в полной мере ощутил на себе действия трех сезонов года – поздней холодной весны (по сути зимы), теплой весны и жаркого лета. Он по-разному воспринимал холодную и теплую погоду. Испытание холодом южанин переносил особенно тяжело.

Смена соотношения бытовой и художественной оценок мест и сообществ у автора во многом зависит от опыта путешественника и уровня дорожного комфорта. Изменение особенностей самого путешествия постоянно происходит во время длительного путешествия: меняются погода, сезоны года, транспортные средства, бытовые условия. Но при этом изменяется и отношение к ним писателя. По мере приобретения автором «опыта путешественника» снижается вес бытовой компоненты в оценке путешествия: чем дальше и восточнее продвигается Чехов, тем меньше внимания он обращает на неизбежные бытовые неудобства, чаще подтрунивает над ними.

Изменение модальности литературных оценок мест и сообществ по ходу движения. Для южанина Чехова модальность оценок во многом была связана со сменой холодной погоды на теплую. Великий писатель – это такой же страдающий человек, как и любой смертный.

Чувство холода присутствует в качестве рефрена первой части путешествия и, главное, оно сильно влияет на художественные оценки писателя: *«Не могу также воспеть красоту берегов, так как адски холодно; береза еще не распустилась, тянутся кое-где полосы снега, плавают льдинки – одним словом, вся эстетика пошла к чёрту»* (выделено мною. – В.К.) [28, с. 67–68].

Вплоть до Красноярска в оценках рек и пейзажей преобладают негативные образы, преобладают такие оценки, как «холодный», «мрачный», «серый», «скучнейший» и т.п. В таком контексте не удивительно, что величавый Иртыш становится рекой мертвых: *«Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по гробам»* (выделено мною. – В.К.). *Проклятое впечатление!*» [26, с. 279].

Под влиянием холода подобно вирусу эпитет «скучнейший» у Чехова начинает «размножаться», охватывая новые предметы – западносибирские города и человеческие сообщества. Впоследствии сам автор так объясняет свое восприятие Западной Сибири: *«...разливы рек, холод, питание исключительно чаем, грязная одежда, тяжелые сапоги, невылазная грязь – всё это имело для меня подавляющее значение и отодвигало природу и сибирского человека на второй и третий планы»* (выделено мною. – В.К.) [25, с. 100].

Теплая погода коренным образом меняет эстетическое восприятие писателя: «скучнейшие» города, «скучные» реки и «прескучнейшие» люди пропадают в тартарары! Не удивительно, что города, в которых Чехов, по его словам, смог бы жить, почти все оказываются восточнее Красноярска, где автор наконец-то встречает теплую весну.

Чехов на остановках постоянно занимался человеческой и авторской рефлексией приобретенного опыта; одним из результатов рефлексии явилась авторская периодизация путешествия. Находясь в Иркутске, Чехов в зависимости от типа дорожного дискомфорта выделил «три эпохи» путешествия – холодную, грязную и жаркую [20, с. 102]. Холодный этап путешествия Чехов характеризовал так: «от Тюмени до Томска воевал с холодом и разливами рек», грязный – «от Томска до Красноярска отчаянная война с невылазной грязью» и, наконец, жаркий этап «от Красноярска до Иркутска страшнейшая жара и пыль» [27, с. 99].

Итак, комплексная периодизация с выделением основных пространственно-временных этапов-хронотопов литературного путешествия является важнейшим результатом анализа рассмотренных выше показателей.

Каждый этап литературного путешествия следует рассматривать как **пространственно-временной хронотоп**. С одной стороны, этап-хронотоп литературного путешествия обладает **объективными измеряемыми характеристиками** (граница территории, определенный ландшафт, граница сезона и погоды, используемые транспортные средства и др.).

А, с другой стороны, эти «объективные показатели» насыщены **авторским отношением** – ощущениями, переживаниями, восприятием – и потому должны быть дополнены субъективными критериями, связанными с литературными оценками и их модальностью.

Потому **любое литературное путешествие уникально**.

Уникальность литературного путешествия накладывает вполне определенные требования на географическую методiku исследования. Последнее означает, что в случае необходимости могут вводиться дополнительные характеристики (или сниматься

некоторые из предложенных) в зависимости от географических условий и авторского литературного опыта. Это позволяет рассматривать предлагаемую **комплексную географическую методiku** исследования литературных путешествий **как модульную**.

Второй методический блок «Поэтапное описание маршрута путешествия с выявлением локальных и региональных географических образов». В результате культурно-географической периодизации выделяются основные пространственно-временные этапы литературного путешествия. Соответственно описание путешествия проводится поэтапно.

Для каждого этапа характеризуются транспортные средства путешественника, характер погоды, бытовые условия и авторская реакция на условия путешествия. Важнейшей составляющей описания маршрута является предъявление авторских образов мест (городов и их сообществ, рек, регионов), сопровождаемых необходимыми комментариями.

Третий методический блок «Выявление и исследование основных авторских региональных тем». Этот блок опирается на географический анализ авторских озарений, размышлений и обобщений, сделанных на основе увиденного и пережитого во время поездки.

С комплексных географических позиций в качестве важнейших сибирских тем для Чехова выступают такие темы, как «Сибирь и Россия: проблема культурно-географического позиционирования», «Климат», «Образ девственной изобильной природы», «Чеховская Западная и чеховская Восточная Сибирь: два контрастных географических образа» и «О притягательности Сибири».

Некоторые из таких тем можно отнести к типичным для любого сибирского текста, например, тема природного изобилия или сибирских холодов. Но наибольший интерес представляют оригинальные авторские образы и предвидения такие, к примеру, как чеховский образ тайги как пространства бесконечности или его прогноз экологического будущего региона.

2. Географические контексты литературного путешествия Чехова

2.1. Маршрут литературного путешествия А.П. Чехова

19 апреля 1890 г. А.П. Чехов выехал из Москвы. Конечной целью путешествия А.П. Чехова был остров Сахалин. Не случайно, что ряд писем Антон Павлович полушутя пописывал как Homo Sachaliensis (человек сахалинский, сахалинец). Хотя некоторые исследователи считают, что основной целью поездки было желание писателя осуществить кругосветное путешествие [12].

Ехал он на Сахалин в качестве корреспондента журнала «Новое время», издателем которого был А.С. Суворин. Как шутил сам писатель, «еду делать двугривенные», имея в виду, что за одну печатную строку ему обещали платить по 20 копеек.

На поезде Чехов добрался до Ярославля, а затем до Казани и Перми он плыл на пароходах. В Перми он снова сел на поезд и доехал до Екатеринбурга. В Екатеринбурге писатель вынужден был задержаться. Именно здесь проявились первые признаки чахотки. Помимо нездоровья причина остановки была связана с возможным изменением маршрута: Чехов ждал сведений о пароходе, который смог бы его отвезти из Тюмени до Томска. Поскольку пароход задерживался, было принято решение ехать на лошадях по Московско-Сибирскому тракту.

От Тюмени до Иркутска с остановкой в Томске он ехал почти месяц на лошадях. В Томске он привел в порядок свои путевые записи и отправил их издателю: именно они и составили основу очерков «Из Сибири». От Иркутска до Листвянки Чехов добрался на лошадях, затем переправился на пароходе через Байкал. Затем опять передвигался

на лошадях по маршруту Чита – Нерчинск – Сретенск. а далее – на пароходах по Шилке и Амуру, минуя Благовещенск и Хабаровск. 5 июля Чехов прибыл в расположенный в устье Амура Николаевск [12].

Сезонное время для поездки было выбрано крайне неудачно. На наш взгляд, это обстоятельство явилось основной причиной необязательных дорожных испытаний, которые, возможно, подорвали и без того некрепкое здоровье писателя.

Чехов планировал начать описание своего путешествия с Томска: *«Уезжая, я обещал присылать Вам путевые заметки, с Томска, ибо путь между Тюменью и Томском давно уже описан и эксплуатировался тысячу раз»* [22, с. 89]. Но по просьбе своего издателя А.С. Суворина автор свои впечатления о поездке по Западной Сибири оформил в виде очерков «Из Сибири». *«Написаны они лично для Вас. Писал я только для Вас и потому не боялся быть в своих заметках слишком субъективным и не боялся, что в них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири. Если какие строки найдете интересными и достойными печати, то передайте их благодетельной гласности, подписав мою фамилию и печатая их тоже отдельными главками, через час по столовой ложке. Общее название можно дать «Из Сибири», потом «Из Забайкалья», потом «С Амура» и т.д.»* [Там же, с. 90].

К сожалению, планы писателя оказались не реализованы, но сохранились его путевые письма, литературные достоинства которых не вызывают сомнений.

Поэтому исследование литературного путешествия Чехова по Сибири опирается и на материал очерков «Из Сибири» и многочисленные письма, написанные автором в пути.

2.2. Московско-Сибирский тракт – исторический путь в Сибирь

Маршрут путешествия Чехова в Зауралье в основном проходил по историческому Московско-Сибирскому тракту.

«Сибирский тракт – самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете (выделено мною. – В.К.). *От Тюмени до Томска, благодаря не чиновникам, а природным условиям местности, она еще сносна; тут безлесная равнина; утром шел дождь, а вечером уж высохло; и если до конца мая тракт покрыт горами льда от таящего снега, то вы можете ехать по полю, выбирая на просторе любой околный путь. От Томска же начинаются тайга и холмы; сохнет почва здесь нескоро, выбрать околный путь не из чего, поневоле приходится ехать по тракту»* [26, с. 286).

Несмотря на столь нелестный, но справедливый чеховский отзыв, Московско-Сибирский тракт сыграл огромную роль в освоении Сибири и формировании единого политического, культурного и экономического пространства России. Известно, что Россия зашла в Сибирь с Севера [17]. Самыми старыми историческими дорогами в Сибирь были проходившие по субарктическим и таежным широтам – Мангазейский морской ход, связывающий по арктическим морям Архангельск и расположенную на полярном круге «златокипящую» Мангазею, и Чрезкаменный, или Печорский, путь, шедший через Северный и Приполярный Урал [4].

Построенная в конце XVI в. Бабиновская (Верхотурская) дорога стала первой сухопутной дорогой в Сибирь; через Соликамск и Верхотурье она связала Волго-Камский и Обский бассейны. В результате поток товаров и людей сместился намного южнее, на Средний Урал, а городок Верхотурье, расположившийся на выходе из Сибири, почти на два столетия стал российским Клондайком – внутрироссийской пушной таможней.

Этот преимущественно речной Сибирский путь был основной дорогой в Сибирь до первой половины XVIII в. Именно по данному маршруту везли в Сибирь и обратно непокорного протопопы Аввакума.

После открытия Московско-Сибирского сухопутного тракта в 1735 г. роль рек как транспортных магистралей в Европейской части России уменьшается. Тракт был

проложен через Муром, Арзамас, Казань, Пермь, Екатеринбург [17]. В результате дорога в Сибирь смещается еще южнее, а некогда важные транспортные и административные центры такие, как Соликамск и Верхотурье, угасают. По этой же причине склоняется к закату и звезда великолепного Тобольска, первой русской столицы Сибири.

«Представьте вы себе широкую просеку, вдоль которой тянется насыпь в сажени четыре ширины, из глины и мусора, – это и есть тракт. Если глядеть на эту насыпь сбоку, то кажется, что из земли, как в открытой музыкальной шкатулке, выдается большой органный вал. По обе стороны его – канавы» [26, с. 286–287].

Не менее важна социальная характеристика тракта, оставленная Чеховым: *«Мелькают верстовые столбы, лужи, березнячки... Вот перегнали переселенцев, потом этап... Встретили бродяг с котелками на спинах; эти господа беспрепятственно прогуливаются по всему сибирскому тракту. То старушонку зарезжут, чтобы взять ее юбку себе на портянки, то сорвут с верстового столба жестянку с цифрами – сгодится, то проломают голову встречному нищему или выбьют глаза своему же брату ссыльному, но проезжающих они не трогают. Вообще в разбойничьем отношении езда здесь совершенно безопасна. От Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ящики не помнят, чтобы у проезжающего украли что-нибудь; когда идешь на станцию, вещи оставляешь на дворе...»* [30, с. 77–78].

Из Екатеринбурга южная – сухопутная – ветвь тракта шла на Тюмень, Ишим, Омск, Томск, Красноярск и заканчивалась в важном транспортном центре Сибири Иркутске.

Вместе с тем северная – речная и более древняя – ветвь тракта, включающая такие реки, как Тура, Тобол, Иртыш, Обь и Томь, действовала и во времена Чехова. Чехов предполагал проделать путь от Тюмени через Тобольск и до Томска на пароходе, но не получилось.

Поездка по южной сухопутной ветви Московско-Сибирского тракта во время распутицы проходила с большими трудностями.

*«Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рябая полоса земли, эта черная оспа, есть почти **единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью!** И по такой жиле в Сибирь, говорят, течет цивилизация!»* (выделено мною. – В.К.) [26, с. 290].

Вместе с тем уже во всю шли работы по подготовке одного из самых амбициозных транспортных проектов России – сооружению Великого Сибирского пути (так исторически назывался современный Транссиб). И уже через год после поездки Чехова начались строительные работы... Сибиряков это особенно волновало: *«А вот скоро, пишут в газетах, к нам железную дорогу проведут. Скажите, господин, как же это так? Машина паром действует – это я хорошо понимаю. Ну, а если, положим, ей надо через деревню проходить, ведь она избы ломает и людей подавит!»* [26, с. 281].

2.3. «Страшная Козулька» – апофеоз негативного образа Сибирского тракта

Особенно плохим состоянием дороги отличался участок тракта между Ачинском и Красноярском. Правда, сам Чехов увязывает плохое состояние тракта на всем его протяжении от Томска до Красноярска с природным ландшафтом – холмистыми предгорьями Саянских гор, где вода надолго застаивается в низинах, создавая тяжелейшие условия для передвижения.

«На каждой станции мы, грязные, мокрые, сонные, замученные медленной ездой и тряской, валимся на диваны и возмущаемся: «Какая скверная, какая ужасная дорога!» А станционные писаря и старосты говорят нам:

– Это еще ничего, а вот погодите, что на Козульке будет!

Пугают Козулькой на каждой станции, начиная с Томска – писаря загадочно улыбаясь, а встречные проезжающие с злорадством: «Я, мол, проехал, так теперь ты поезжай!» И до того запугивают воображение, что таинственная Козулька начинает сниться в виде птицы с длинным клювом и зелеными глазами.

Козулькой называется расстояние в 22 версты между станциями Чернореченской и Козульской (это между городами Ачинском и Красноярском). За две, за три станции до страшного места начинают уж показываться предвестники. Один встречный говорит, что он четыре раза опрокинулся, другой жалуется, что у него ось сломалась, третий угрюмо молчит и на вопрос, хороша ли дорога, отвечает: «Очень хороша, чёрт бы ее взял!» На меня все смотрят с сожалением, как на покойника, потому что у меня собственный экипаж» [26, с. 287].

Хотя Чехов осознает большую роль транспортной мифологии в создании образа «страшной Козульки», но сам включается в игру, его воображение рисует страшные образы. И прогнозы дорожной катастрофы частично сбываются.

«– Наверное сломаете и застрянете в грязи! – говорят мне со вздохом. – Лучше бы вам на перекладных ехать!»

Чем ближе к Козульке, тем страшнее предвестники. Недалеко от станции Чернореченской, вечером, возок с моими спутниками вдруг опрокидывается, и поручики и доктор, а с ними и их чемоданы, узлы, шапки и ящик со скрипкой летят в грязь. Ночью наступает моя очередь» [26, с. 289].

«Но вот деревня кончилась, и мы на страшной Козульке. Дорога тут в самом деле отвратительна, но я не нахожу, чтобы она была хуже, чем, например, около Мариинска или той же Чернореченской» [26, с. 289].

Козулька, точнее Козульская станция, жива и поныне. Правда, теперь это большой поселок Красноярского края, о котором написана статья в Большой Советской энциклопедии. Но всемирную известность этому поселению принес Антон Павлович Чехов.

2.4. Пространственно-временная периодизация путешествия Чехова

Рис. 1. Пространственно-временная периодизация литературного путешествия Чехова. Этапы путешествия:

- 1 – европейский ранневесенний этап; 2 – западносибирский ранневесенний этап, «холодный» по А.П. Чехову;
- 3 – присаянский весенний этап, «грязный» по А.П. Чехову; 4 – восточносибирский раннелетний этап, «жаркий» по А.П. Чехову; 5 – забайкальский раннелетний этап, 6 – амурский летний этап путешествия

Fig. 1. Spatio-temporal periodization of Anton Chekhov's literary trip. Stages of the trip: 1-European early spring stage; 2-West Siberian early spring stage, 'cold' stage according to Chekhov; 3-Near-the-Sayan spring stage, 'dirty' stage according to Chekhov; 4 – East Siberian early summer stage, 'hot' stage according to Chekhov; 5 – Trans-Baikal early summer stage, 6-Amur summer stage of the trip.

Периодизация части путешествия, выполненная Чеховым, облегчила задачу по периодизации всего литературного путешествия. В результате на основе разработанных критериев выделяется 6 этапов чеховского путешествия, этапов, качественно различающихся по своим **пространственно-временным субъективно-объективным характеристикам** (рис 1):

- европейский ранневесенний этап (от Москвы до Екатеринбурга);
- западносибирский ранневесенний (от Екатеринбурга до Томска);
- присаянский весенний этап (от Томска до Красноярска);
- восточносибирский раннелетний (от Красноярска до Иркутска);
- забайкальский раннелетний (от Иркутска до Сретенска);
- амурский летний этап путешествия (от Сретенска до расположенного в устье Амура Николаевска).

3. Вместе с Чеховым от Волги до Амура: поэтапное описание маршрута путешествия

3.1. Европейский ранневесенний этап путешествия. От Москвы до Екатеринбурга

От Москвы до Екатеринбурга Чехов ехал на поезде, а из Перми плыл на пароходах (рис. 2).

Начало путешествия пришлось на раннюю весну. Преобладала дискомфортная погода – облачная, с дождями и сильными холодными ветрами.

Особую роль в создании негативных образов природы и мест для теплолюбивого Чехова играл холод, который вызывал телесный и душевный дискомфорт: «Когда дует холодный ветер..., то становится и холодно, и скучно, и жутко...» [29, с. 70]. Возможно, это связано с тем, что Антон Павлович – уроженец теплой южной России: «Плыву по Каме, но местности определить не могу; кажется, около Чистополя. Не могу также воспеть красоту берегов, так как адски холодно...» [28, с. 67].

Поэтому Волга, Кама и приречные города награждаются эпитетами «холодный», «серый», «скучнейший» и т.п.

Похоже, для теплолюбивого писателя **красивый пейзаж несовместим с холодной погодой**. Высказанное предположение подтверждается и на следующем отрезке нелегкого чеховского путешествия.

3.2. Западносибирский ранневесенний этап путешествия. От Екатеринбурга до Томска

После остановки в Екатеринбурге до Тюмени писатель добрался на поезде, а затем пришлось ехать на лошадях по Московско-Сибирскому тракту.

В Сибири ранняя весна была похожа на зиму (в Ишиме Чехову пришлось купить валенки). Дорожные неурядицы усугублялись обширным разливом рек, обычным в это время года явлением. «... от Тюмени до Томска, 1500 верст, страшный холодище днем и ночью, полушубок, валенки, холодные дожди, ветры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война с разливами рек» [20, с. 101–102].

Вероятно, плохая погода подвигла Чехова придумать метафорическую формулу Сибири: «**Сибирь есть страна холодная и длинная**» (выделено мною. – В.К.) [24, с. 103].

Начало западносибирского этапа совпало с одной – уральской – природной границей: «*Сибирская равнина начинается, кажется, от самого Екатеринбурга...*» [30, с. 77], а его завершение – с другой, с предгорьями Саян, где разместился Томск.

При всех трудностях пути и подавленном эмоциональном состоянии Чехов вел путевой дневник, что позволило в конце данного этапа в Томске оформить путевые заметки в связный литературный текст с описанием первых двух этапов пути и послать издателю несколько глав очерков «Из Сибири».

Гуманитарная география
Калуцков В.Н.

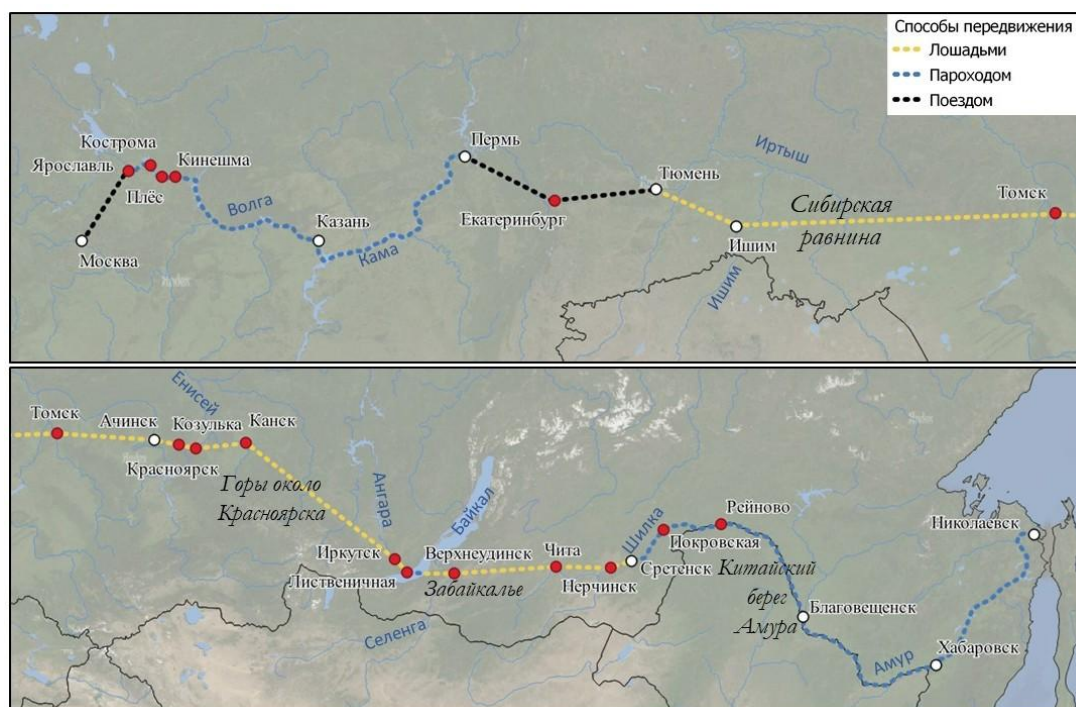

Рис. 2. Топонимия сибирского путешествия А.П. Чехова. Топонимы на карте – места, реки и регионы, получившие чеховские географические образы (за исключением мест, показанных белыми пунсонами)

Fig. 2. Toponymy of Anton Chekhov's Siberian trip. Toponyms on the map are places, rivers and regions and regions depicted in Chekhov's writings (with the exception of places indicated with white conventional symbols (white dots))

3.3. Присяянский весенний этап. От Томска до Красноярска

От Томска до Красноярска Чехов ехал в экипаже на лошадях.

Без преувеличения эту часть поездки можно назвать самой грязной: «От Томска до Красноярска 500 верст, невылазная грязь; моя повозка и я грузили в грязи, как мухи в густом варенье; сколько раз я ломал повозку (она у меня собственная), сколько верст прошел пешком, сколько клякс было на моей физиономии и на платье!.. Я не ехал, а полоскался в грязи» [20, с. 102].

Такой характер дороги связан с холмистым рельефом территории и сезоном года. Заметим, что именно на этом участке находится пресловутая Козулька – квинтэссенция негативного образа Московско-Сибирского тракта.

3.4. Восточносибирский раннелетний этап путешествия. От Красноярска до Иркутска

От Красноярска писатель продолжил свой путь по Московско-Сибирскому тракту (рис. 2).

Весна с первоцветами, запахами цветов, щебетанием птиц застала писателя только в Восточной Сибири. Но на смену холоду пришли другие дорожные неурядицы: «От Красноярска до Иркутска 1566 верст, жара, дым от лесных пожаров и пыль; пыль во рту, в носу, в карманах; поглядишь на себя в зеркало, и кажется, что загримировался» [20, с. 102].

Но, главное, тепло! Теплая погода буквально оживила писателя, «включив» талант большого художника. Автор сумел тонко понять отношение сибиряков к природе и самому «пропитаться» глубоким чувством любви к ней, тем чувством, которое ныне назвали бы экологическим: «**Природа же, которую боготворят инородцы, уважают наши беглые и которая со временем будет служить неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов ...**» (выделено мною. – В.К.) [26, с. 292].

Впервые в пути появляются яркие эпитеты и положительные эстетические оценки увиденных мест: «... природа оригинальная, величавая и прекрасная начинается только с Енисея». Если Иртыш у Чехова «... стучит у себя на дне по гробам» [26, с. 279], то Енисей

– великолепный «... могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость» [26, с. 292]. Очевидно, что для уроженца Юга России **красивый пейзаж – продукт тепла и солнца.**

Итак, граница между Западной и Восточной Сибирью стала осязаемой пространственно-временной границей путешествия Чехова: сменился не только природный ландшафт (равнинный на гористый), сменился сезон: пришла скоротечная сибирская весна, вместо холодного ветра наконец-то засияло солнце... Переменилось и настроение самого путешественника, с холодом ушла скука, а пейзаж занял свое место в палитре художника, в которой после Красноярска в образах городов и рек стали преобладать теплые тона.

3.5. Забайкальский раннелетний этап. От Иркутска до Сретенска

От Иркутска до Листвянки Чехов добрался на лошадях, затем переправился на пароходе через Байкал. Затем снова ехал в экипаже до Сретенска (рис. 2).

Бытовые трудности путешествия сохраняются: большие расстояния ежедневных поездок сочетались с жаркой погодой днем и холодной по ночам. Но Чехов уже приобрел навыки путешественника и отношение к трудностям уже другое, чем в начале пути: *«Делали в сутки 200 верст – больше летом нельзя сделать. Обалдели. Жарища к тому же страшная, а ночью холод, так что нужно было мне сверх суконного пальто надевать кожаное; одну ночь ехал даже в полушубке»* [31, с. 115].

Художник, как мы уже отмечали, «проснулся» в Чехове уже в Красноярске. Поэтому Забайкалье награждается яркими географическими образами.

Примечательно, что для сравнительных географических образов Чеховым обычно используются близкие ему регионы южной России или Украины: *«Днем скачешь по Кавказу, ночью по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уж Полтавская губерния – и так всю тысячу верст»* [31, с. 115].

Забайкальский ландшафт получает еще более высокую литературную оценку, чем тайга Восточной Сибири: *«Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза»* [21, с. 118].

Начиная с Восточной Сибири Чехов регулярно в своих письмах домашним делает при упоминании новых мест географическую ремарку: «Зрите карту».

3.6. Амурский летний этап путешествия. По Амуру до Николаевска

Амурский этап является апофеозом всего длительного путешествия. В Сретенске писатель сел на пароход и сначала по Шилке, а затем по Амуру доплыл до Николаевска.

Погода стоит теплая. На остановках Чехов купается в Амуре, что уроженцу приморского города доставляет особое удовольствие, а с парохода наслаждается роскошными пейзажами.

По-прежнему Чехова преследуют дорожные трудности, например, вибрация на теплоходе (она была настолько сильной, что он практически не мог физически писать). Но все они отступают на третий план по сравнению с чувством огромного эмоционального удовлетворения от того, что удалось реализовать задуманное: *«Проплыл я уже по Амуру 1000 верст и видел миллион роскошнейших пейзажей; голова кружится от восторга»* [23, с. 124].

Восторженное опьянение красотой Амурского края у Чехова сопровождается ощущением чувства внутренней свободы, которое он испытывает на берегах Амура.

Не удивительно, что завершающий этап чеховского путешествия получает самую высокую человеческую и художественную оценку: *«Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы»* [23, с. 124].

Это звучит как мажорный финальный аккорд всего продолжительного странствия!

4. Чеховские размышления о Сибири: обзор важнейших географических тем

4.1. Сибирь и Россия: проблема культурно-географического позиционирования

Со времен походов поморов и движения первых землепроходцев до наших дней восприятие Сибири в русском обществе и самовосприятие сибиряков существенно изменилось: от опасной terra incognita (Не-Россия и Полу-Россия) до существенной, обладающей особой идентичностью части России.

С этими проблемами столкнулся и автор. Житель Колывани (ныне предместье Новосибирска) спрашивает писателя:

«– Вы из России? – спрашивает он меня.

– Из России.

– Ни разу не был. У нас тут, кто в Томск съездил, тот уж и нос дерет, словно весь свет объездил» [26, с. 281].

Примечательно, что и сам Чехов разделяет Россию и Сибирь: «... едуци из России в Сибирь, вы проскучаете от Урала вплоть до самого Енисея» [26, с. 275].

И в наши дни сохраняется особая идентичность сибиряков. Так, в народной географии современных жителей Сибири и Дальнего Востока для обозначения Европейской части России используется топоним Материк.

4.2. Климат

Чехов проехал Сибирь весной и ранним летом, поэтому действия сибирских морозов на себе не испытал. Но его климатический образ Сибири достоин быть эпиграфом к любой книге об этом крае:

«– Отчего у вас в Сибири так холодно?

– Богу так угодно! – отвечает возница» [26, с. 269].

4.3. Образ девственной изобильной природы

Все путешественники, проезжавшие по Сибири, подмечали девственность ее нетронутой природы, невиданное изобилие птицы и зверя в лесах и рыбы в реках и озерах. Чехов не был исключением: «Зато никогда в жизни не видал я такого множества дичи. Я вижу, как дикие утки ходят по полю, как плавают они в лужах и придорожных канавах, как вспархивают почти у самого возка и лениво летят в березняк. Среди тишины вдруг раздается знакомый мелодический звук, глядишь вверх и видишь невысоко над головой пару журавлей, и почему-то становится грустно. Вот пролетели дикие гуси, пронеслась вереница белых как снег, красивых лебедей... Стонут всюду кулики, плачут чайки...» [26, с. 269].

Сибирь времен Чехова – это охотничий рай: «По рассказам ямщиков, в тайге живут медведи, волки, сохатые, соболи и дикие козы. Мужики, живущие по тракту, когда дома нет работы, целые недели проводят в тайге и стреляют там зверей» [26, с. 294].

Удивляют не только леса, но и реки (об Ишиме): «Узнаю от него, что в этой темной, суровой реке водятся стерляди, нельмы, налимы, щуки, но что ловить их некому и нечем» [26, с. 271].

«Представьте себе Сурамский перевал, который заставили быть берегом реки, — вот Вам и Амур. Скалы, утесы, леса, тысячи уток, цапель и всяких носатых каналов, и сплошная пустыня» [23, с. 123].

4.4. Чеховская Западная и чеховская Восточная Сибирь: два контрастных географических образа

Известные со школьной скамьи географические различия между Западной и Восточной Сибирью в литературных текстах Чехова приобретают мощную эмоционально-образную окраску.

Гуманитарная география
Калуцков В.Н.

Первую часть своего путешествия по Сибири, от Екатеринбурга до Томска, Чехов едет по южной ветви Московско-Сибирского тракта, который проходил, а в новом своем асфальтовом обличье и ныне проходит, в основном по лесостепным ландшафтам.

«Сибирская равнина начинается, кажется, от самого Екатеринбурга и кончается чёрт знает где; я сказал бы, что она очень похожа на нашу южнорусскую степь, если бы не мелкий березняк, попадающийся то там, то сям, и, если бы не холодный ветер, покалывающий щеки» [30, с. 77].

Южная часть Западной Сибири – один из наиболее живописных регионов Сибири с березовыми рощицами паркового типа (по-сибирски с березовыми колками), с участками волнующихся под ветром ковыльных степей и многочисленными озерами.

Однако чеховские образы ландшафтов Западной Сибири лишены привлекательности: *«Если пейзаж в дороге для вас не последнее дело, то, едучи из России в Сибирь, вы проскучаете от Урала вплоть до самого Енисея. Холодная равнина, кривые березки, лужицы, кое-где озера, снег в мае да пустынные, унылые берега притоков Оби* (выделено мною. – В.К.) *– вот и всё, что удастся памяти сохранить от первых двух тысяч верст»* [26, с. 292].

Одна из причин неприглядности чеховских образов региона заключается в том, что писателю и, как следствие, самой Западной Сибири, не повезло с сезоном путешествия. Чехов попал сюда в распутицу, позднюю и холодную весну с обилием дождей, когда он часто промокал, мерз под ледяным ветром, шел по колени в грязи и холодной воде. Окажись он в Западной Сибири на две-три недели позже, образ края, пейзажи которого напоминают среднюю полосу России на картинах Левитана, был бы совсем другим. Кстати, Левитана Чехов неоднократно вспоминает как желанного, но несостоявшегося попутчика.

Весна с первоцветами, запахами цветов, щебетанием птиц застала писателя только в Восточной Сибири. Вероятно, по этой причине у Чехова *«... природа оригинальная, величавая и прекрасная начинается только с Енисея»* [26, с. 292].

Сначала Чехов присматривается к поразившей его тайге, «пробует» ее на запах и звук: *«Говорили мне, что тайга беззвучна и растительность ее не имеет запаха. Я ожидал этого, но все время, пока я ехал по тайге, заливались птицы, жужжали насекомые; хвой, пригретые солнцем, насыщали воздух густым запахом смолы, поляны и опушка у дороги были покрыты нежно-голубыми, розовыми и желтыми цветами, которые ласкали не одно только зрение. Очевидно, писавшие о тайге наблюдали ее не весной, а летом, когда и в России леса беззвучны и не издают запаха»* [26, с. 293].

Затем он понимает, что *«... Обычная человеческая мерка в тайге не годится»* [там же, с. 294] и что пейзаж, размеры деревьев, запахи, звуки и тишина не полностью передают ее сущность.

Поэтому он предлагает мощный образ беспредельности сибирской тайги, географический образ, который созвучен с идеей бесконечности самой России: *«Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается»* (выделено мною. – В.К.) [26, с. 293].

Опираясь на личные впечатления и с помощью сибирской мифологии этот образ тайги развивается и усиливается: *«В первые сутки не обращаешь на нее внимания; во вторые и в третьи удивляешься, а в четвертые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого зеленого чудовища. Взберешься на высокий холм, покрытый лесом, глянешь вперед на восток, по направлению дороги, и видишь внизу лес, дальше холм, кудрявый от леса, за ним другой холм, такой же кудрявый, за ним третий, и так без конца; через сутки опять взглянешь с холма вперед – и опять та же картина... Впереди, все-таки*

знаешь, будут Ангара и Иркутск, а что за лесами, которые тянутся по сторонам дороги на север и юг, и на сколько сотен верст они тянутся, неизвестно даже ямщикам и крестьянам, родившимся в тайге. Их фантазия смелее, чем наша, но и они не решаются наобум определять размеры тайги и на ваш вопрос отвечают: «Конца нет!» Им только известно, что зимою через тайгу приезжают с далекого севера на оленях какие-то люди, чтобы купить хлеба, но что это за люди и откуда они, не знают даже старики» [26, с. 293].

4.5. О притягательности Сибири

Поездка по Сибири усилила в Чехове чувство любви к природе, а также понимание роли природы для дальнейшего развития сибирской литературы. **«Природа ... со временем будет служить неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов ...»** (выделено мною. – В.К.) [26, с. 292].

Это предвидение Чеховым роли экологической тематики в развитии сибирской литературы в полной мере проявилось в советское время в творчестве Распутина, Астафьева, Шукшина, Шишкова, Залыгина, других сибирских литераторов.

Несмотря на все трудности путешествия, Чехов в полной мере наслаждался сибирской природой: **«Енисей, тайга, станции, ямщики, дикая природа, дичь, физические мучительства, причиняемые дорожными неудобствами, наслаждения, получаемые от отдыха, — всё, вместе взятое, так хорошо, что и описать не могу. Уж одно то, что я больше месяца день и ночь был на чистом воздухе – любопытно и здорово; целый месяц ежедневно я видел восход солнца от начала до конца»** (выделено мною. – В.К.) [27, с. 99].

Енисей, Байкал, а особенно сибирская тайга и Амур – наиболее сильно повлияли на эмоциональное состояние и внутреннее развитие писателя, а он сторицей вернул им свое чувство через яркие географические образы полюболюбившихся мест. В результате путешествия по Восточной Сибири Чехов создает один из самых сильных литературных образов – образ бескрайней сибирской тайги.

Сибирь подарила Чехову не только восторги от «роскошнейших пейзажей», но и ощущение безграничной внутренней свободы, такой свободы, которую в русской культурной традиции называют непереводаемым на западные языки словом; она подарила ему **чувство воли**: **«Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России»** (выделено мною. – В.К.) [23, с. 124].

Писатель в конце пути не только испытывает чувство огромного эмоционально-творческого подъема, но и хорошо понимает, что дало ему пережитое испытание: **«... я доволен и благодарю бога, что он дал мне силу и возможность пуститься в это путешествие... Много я видел и многое пережил, и всё чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто как для человека»** [27, с. 99].

И далее: **«Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно»** [23, с. 124].

Чехов прожил короткую жизнь. И если бы не болезнь, он бы смог повторить свое литературное путешествие, но уже не по канувшему в небытие Московско-Сибирскому тракту, а по Транссибирской железнодорожной магистрали, которая прошла по знакомым писателю городам, включая пресловутую Козюльку, и смог бы сравнить, как изменилась Сибирь...

Трудно переоценить культурное значение литературного путешествия Чехова: созданные им яркие образы Сибири, сибиряков, тайги, девственной природы, красоты сибирских пейзажей стали золотым запасом русской литературы. Направленность

чеховского творчества нацеливает на экологическое будущее региона, способствует раскрытию его потенциала, включая масштабное развитие экологического и эколого-культурного туризма.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 02/2021-И «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы»).

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the All-Russian Public organization "Russian Geographical Society" (grant project No. 02/2021-I "The first literary Atlas of Russia: the most important literary places, landscapes, travels and images").

Библиографический список

1. Анисимов К.В. Сибирско-сахалинский травелог А.П. Чехова в истории художественного «воображения» Зауралья: между природой и обществом // Чехов и время: сб. науч. ст. Томск: Изд-во ТомГУ, 2011. С. 466–484.
2. Балухатый С.Д. Вопросы поэтики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 320 с.
3. Берковский Н.Я. Литература и театр: Статья разных лет. М.: Искусство, 1969. 639 с.
4. Булатов В.Н. Русский Север. Книга вторая: Встречь солнца (XV–XVII вв.). Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1998. 352 с.
5. Веденин Ю.А. Место исторического пути в культурно-ландшафтном пространстве Русского Севера: по следам Александра Шренка // Наследие и современность. 2020. 3(4). С. 52–72.
6. Власова Е.Г. Маршруты путешествий и особенности формирования образа пространства в уральском травелог XVIII–начале XX в. // Лабиринт. 2015. №1. С. 34–49.
7. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. Т. 1 М.: Патриот, 1994. 320 с.
8. Гуминский В.М. Открытие мира или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 284 с.
9. Зырянов А.И. Теория и методология рекреационной географии [Электронный ресурс]: учеб. пособие. Пермь, 2021. 368 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnieposobiya/zyryanov-teoriya-i-metodologiya-rekreacionnoj-geografii.pdf>.
10. Калуцков В.Н. Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 67–79.
11. Калуцков В.Н. Концептуальные основы литературной географии // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 118–125.
12. Капустин Д. Антон Чехов: путешествия по Азии и Европе. М.: Новый Хронограф, 2020. 320 с.
13. Кобзарь В. Благовещенск. До востребования...: счастливое путешествие Антона Чехова на Дальний Восток в 1890 году. Благовещенск-на-Амуре: Изд-во «Амурская ярмарка», 2017. 187 с.
14. Лицинский Б.Д. Путешествие с Чеховым: [К 100-летию путешествия на Дальний Восток] Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 115 с.
15. Печерская Т.И. Проект «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII – начале XX в.”»: К постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллект. монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8–20.
16. Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013. 411 с.
17. Покишишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. 208 с.
18. Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 521 с.
19. Шиштарёнок Е.В. Понимание сибирского мифа в творчестве А.П. Чехова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 207 с.
20. Чехов А.П. А.Н. Плещееву. 5 июня. Иркутск // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 101–102.
21. Чехов А.П. А.Н. Плещееву. 20 июня. Амур // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 118.
22. Чехов А.П. А.С. Суворину. 20 мая. Томск // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 123–125.
23. Чехов А.П. А.С. Суворину. 27 июня. Благовещенск // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 89–92.
24. Чехов А.П. Ал.П. Чехову. 5 июня. Иркутск // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 103–104.

Гуманитарная география

Калуцков В.Н.

25. Чехов А.П. И.Л. Леонтьеву (Щеглову). 5 июня. Иркутск // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 100.
26. Чехов А.П. Из Сибири / ПСС под ред. А.В. Луначарского, С.Д. Балухатова. Т.Х. М.; Л.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1932. С. 269–295.
27. Чехов А.П. Н.А. Лейкину. 5 июня. Иркутск // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 99–100.
28. Чехов А.П. Чеховым. 24 апреля. Кама // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 67–69.
29. Чехов А.П. Чеховым. 29 апреля. Екатеринбург // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 70–73.
30. Чехов А.П. Чеховым. 14-17 мая. Красный Яр – Томск // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 77–89.
31. Чехов А.П. Чеховым. 20 июня. Шилка // ПСС: в 30 т. Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 2009. С. 113–117.

References

1. Anisimov, K.V. (2011), "Siberian-Sakhalin travelogue by A. P. Chekhov in the history of the Artistic "Imagination" of the Trans-Urals: between nature and society" // *Chekhov i vremya*, Izd-vo TomGU, Tomsk, pp. 466–484.
2. Balukhatyi, S.D. (1990), *Voprosy poetiki* [Questions of poetics], Izd-vo LGU, Leningrad, 320 p.
3. Berkovsky, N.Ya. (1969), *Literatura i teatr: Stat'i raznyh let* [Literature and theater]. Iskusstvo, Moscow, 639 p.
4. Bulatov, V.N. (1998), *Russkij Sever. Kniga vtoraya: Vstrech' solnca (XV–XVII vv.)* [Russian North. Book Two: Meeting the Sun (XV–XVII centuries)], Izd-vo Pomorskogo un-ta, Arhangel'sk, 352 p.
5. Vedenin, Yu.A. (2020), "The place of the historical path in the cultural and landscape space of the Russian North: in the footsteps of Alexander Schrenk" // *Nasledie i sovremennost'*, Kazan, 2020, no. 3(4), pp. 52–72.
6. Vlasova, E.G. (2015), "Travel routes and features of the formation of the image of space in the Ural travelogue of the XVIII-early XX century" // *Labirint*, Ivanovo, no. 1, pp. 34–49.
7. Goncharov, I.A. (1994), *Fregat «Pallada»: Ocherki puteshestviya. T.1* [Frigate "Pallada": Essays on travel. Vol. 1], Patriot, Moscow, 320 p.
8. Guminsky, V.M. (1987), *Otkrytie mira ili Puteshestviya i stranniki* [Discovery of the world or Travel and Wanderers], Sovremennik, Moscow, 284 p.
9. Zyryanov, A.I. (2021), *Teoriya i metodologiya rekreacionnoj geografii* [Theory and methodology of recreational geography [Electronic resource]: textbook. Perm, 368 p. Available at: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnieposobiya/zyryanov-teoriya-i-metodologiya-rekreacionnoj-geografii.pdf>.
10. Kalutskov, V.N. (2015), "Literary geography as a scientific subject and as an academic discipline", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, Moscow, no. 4, pp. 67–79.
11. Kalutskov, V.N. (2016), "Conceptual foundations of literary geography" // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. Ekaterinburg, no. 2(51), pp. 118–125.
12. Kapustin, D. (2020), *Anton Chekhov: puteshestviya po Azii i Evrope* [Anton Chekhov: Travels in Asia and Europe], Novyj Hronograf, Moscow, 320 p.
13. Kobzar, V. (2017), *Blagoveshchensk. Do vostrebvaniya...: schastlivoe puteshestvie Antona Chekhova na Dal'nij Vostok v 1890 godu* [Annunciation. On demand...: Anton Chekhov's happy travel to the Far East in 1890], Amurskaya yarmarka, Blagoveshchensk-na-Amure, 187 p.
14. Lischinsky, B.D. (1989), *Puteshestvie s Chekhovym: K 100-letiyu puteshestviya na Dal'nij Vostok* [Journey with Chekhov: To the 100th anniversary of travel to the Far East], Dal'nevost. kn. izd-vo, Vladivostok, 115 p.
15. Pecherskaya, T.I. (2016), "Project "Annotated index "Russian travelogue of the XVIII-early XX century"": To the problem statement", *Russkij travelog XVIII-XX vekov: marshruty, topoty, zhanry i narrativy: kollekt monografiya* / pod red. T.I. Pecherskoj, N.V. Konstantinovej, Izd-vo NGPU, Novosibirsk, 2016, pp. 8–20.
16. Ponomarev, E.R. (2013), *Tipologiya sovetskogo puteshestviya: «puteshestvie na Zapad» v literature mezhoennogo perioda* [Typology of Soviet travel: "Journey to the West" in the literature of the interwar period], Izd-vo SPbGUKI, Sankt-Peterburg, 411 p.
17. Pokshishevsky, V.V. (1951), *Zaselenie Sibiri (istoriko-geograficheskie ocherki)* [Settlement of Siberia (historical and geographical essays)], Irkutsk, 208 p.
18. Razumova, N.E. (2001), *Tvorchestvo A.P. Chekhova v aspekte prostranstva* [Creativity of A.P. Chekhov in the aspect of space], Tom. gos. un-t, Tomsk, 521 p.
19. Shishparenok, E.V. (2017), *Ponimanie sibirskogo mifa v tvorchestve A.P. Chekhova* [Understanding of the Siberian Myth in the works of A. P. Chekhov], Izd-vo IGU, Irkutsk, 207 p.

Гуманитарная география

Калуцков В.Н.

20. Chekhov, A.P. (2009), "A.N. Pleshcheyev. June 5. Irkutsk" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 101–102.
21. Chekhov, A.P. (2009), "A.N. Pleshcheyev. June 20. Amur" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 118.
22. Chekhov, A.P. (2009), "A.S. Suvorin. Mai 20. Tomsk" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 89–92.
23. Chekhov, A.P. (2009), "A.S. Suvorin. June 27. Blagoveshchensk" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 123–125.
24. Chekhov, A.P. (2009), "A.I.P. Chekhov. June 5. Irkutsk" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 103–104.
25. Chekhov, A.P. (2009), "I.L. Leontiev (Shcheglov). June 5. Irkutsk" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 100–101.
26. Chekhov, A.P. (1932) "From Siberia" // *PSS pod red. A.V. Lunacharskogo i S.D. Baluhatova. Tom 10. Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury, Moscow; Leningrad*, pp. 269–295.
27. Chekhov, A.P. (2009), "N.A. Leikin. June 5. Irkutsk" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 99–100.
28. Chekhov, A.P. (2009), "Chekhov. April 24. Kama River" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 67–69.
29. Chekhov, A.P. (2009), "Chekhov. April 29. Ekaterinburg" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 70–73.
30. Chekhov, A.P. (2009), "Chekhov. May 14-17. Krasny Yar–Tomsk" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 77–89.
31. Chekhov, A.P. (2009), "Chekhov. June 20. Shilka" // *PSS v 30 tomah. T. 4: YAnvar' 1890 – fevral' 1892*, Nauka, Moscow, pp. 113–117.

Поступила в редакцию: 02.07.2021

Сведения об авторе

Владимир Николаевич Калуцков

доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

About the author

Vladimir N. Kalutskov

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Калуцков В.Н. Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // *Географический вестник = Geographical bulletin*. 2021. №3(58). С. 74–91. doi: 10.17072/2079-7877-2021-3-74-91.

Please cite this article in English as:

Kalutskov, V.N. (2021). The southern man in Siberia: a literary and geographical study of Anton Chekhov's journey (based on Chekhov's essays 'From Siberia' and his travel letters). *Geographical bulletin*. No. 3(58). Pp. 74–91. doi: 10.17072/2079-7877-2021-3-74-91.